

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

2207
Виктор
РОЗОВ

ПЛАМЯ,

В КОТОРОМ МОГУТ СГОРЕТЬ И ЛЮБЯЩИЕ, И ЛЮБИМЫЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Моему сыну пятнадцать лет. По мере того как он рос, я покупала ему все необходимое, поддерживала его увлечения. Одно время он увлекся фотографией, но скоро охладел, забросил фотоаппаратуру, пленки, проявители в самый дальний угол квартиры. Его друзья, зная, что у него

много фотопринадлежностей, постоянно приходят и просят то одно, то другое. И не всегда возвращают. Дает сын товарищу книгу почитать — тоже без возврата. Гитара, магнитофон, которые я купила с трудом, даже рубашки постоянно кочуют от одного приятеля к другому. А если я

когда упрекну, он обижается: «Что тебе, жалко?»

И знаете, мне становится стыдно, я не хочу, чтобы сын думал, будто я недобра, жадная. Но что же делать, для всех я покупать не могу. Так что же такое доброта?

З. МАХОНИНА

ВЛАДИВОСТОК

НА ПЕРВЫЙ взгляд письмо кажется простым, и ты готов ответить на него немедленно. Но это только именно на первый взгляд, потому что простота его — в обыденности ситуации, а совсем не в существе вопроса.

И я хочу начать именно с ситуации, тем более что она мне лично близка.

В пьесе-сказке Евгения Шварца «Снежная королева» Атаманша — предводительница шайки разбойников на упрек в том, что она балует свою дочь, говорит: «Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники». Родительская любовь — чувство естественное, хотя каждый знает случаи, когда родители не только не любят своих детей, но даже ищут возможности от них избавиться. Не так часто, но бывает. И в том, что мать любит своего дитя, нет никакой материнской доблести. Ворона любит своих птенцов, волчица ласкает волчат. Закон природы. И между этой чисто биологической любовью родителей к детям и умением воспитывать

этих самых твоих любимых детей — пропасть! И часто материнская любовь может принимать самые уродливые формы. Вплоть до того, что сын или дочь делается престижной вывеской ошалевшей матери, режиссером отца. Одеть дитя не только не хуже, чем у других, но и лучше, чтоб дитя имело все самое шикарное — и фотоаппарат, и кассетфон, и джинсы, и все, что только мыслимо раздобыть, и непременно самое-самое шикарное. Из кожи вон, но достать!

И зараза выделить своих детей подобным способом переходит и на самих деток. Детки дуреют, им начинает казаться, что от этого их «шика» они и сами нечто особенное, привилегированное. К сожалению, я получал письма от девушек и ребят школьного возраста, в которых они сетуют на то, что с ними не хотят дружить те одноклассники, у которых все эти попугайские перья поярче. Значит, на почве некоего неравенства.

Непостижимо! Но, увы, правда.

Любовь к детям может стать не источником бережного, внимательного и разумного отношения к ним, а ярким пожаром, в котором сгорают и любящие, и любимые. Магия и опасность стихий! Баловать ребенка начинают с соски. Затем идут игрушки — навалом! — тут уж родительская глупость, произрастающая из любви или честолюбия, не знает границ — потом одежды, за ними обширный ассортимент технических совершенств. А в результате, когда любимое дитя входит в возраст, повторяется то, что давненько замечено Фонвизиним в бессмертной комедии «Недоросль». И сын бросает матери: «Да отвяжись, матушка...» И Стародум не без оснований произнесет финальную реплику: «Вот злонравия достойные плоды!»

А уж как госпожа Простакова любила свое чадушко — Митрофанушку! Оттого и бессмертна эта комедия, что она и в наши дни повторяется вновь и вновь.

Письмо, на которое я сейчас отвечаю, может быть, и не

дает мне основания начать ответ в том тоне, как я его начал, но все же такое предисловие я считаю нелишним.

Я постараюсь избежать рассуждений о доброте вообще, так как понятие этой категории в абсолютном ее значении мне и самому не до конца ясно. Буду придерживаться конкретного факта. И то без претензии на истину в ее конечной инстанции. В пятнадцать лет подросток живет чаще всего импульсивной жизнью. Он не может мыслить о явлениях жизни широко. Его связь с миром во многом примитивна и подчинена своей еще не сформировавшейся натуре. Конечно, и в пятнадцать лет подросток обуреваем сильными и сложными чувствами, но скорее на биологическом уровне, чем на духовно зрелом, вполне человеческом. В отношении к вещам это выражается наиболее прямо и наивно. Нравилось — играю, разонравилось — мне не надо, бери, кто хочет, хоть на помойку выбрасывай. Увлечения следуют за увлечениями, игра за игрой. Сегодня я — фотограф, завтра — музыкант, послезавтра — электрик, затем — ихтиолог, пробую и актерство, хочу быть альпинистом и так до бесконечности! И это естественно. Однобокие натуры встречаются редко. В самом деле, все интересно: и горные вершины, и таинственные пещеры, и аквариумы с рыбами, и музыка, и сочинительство, и жизнь леса, и космос, и строительство. Я — за поиск себя в этой удивительной реальности! И у данного мальчика не доброта, а безразличие. Как можно любить или хотя бы ценить вещь, которая тебе не нужна? Тем более что ты в ее создание или приобретение не вложил и капли своих усилий. По самым примитивным законам — вещь ценится по количеству затраченного на ее изготовление труда.

Мать выбивалась из сил, брала дополнительную работу, чтобы купить сыну желанный магнитофон, она знает его цену через свои усилия, даже, может быть, страдания. Сын этого не знает, а понимать еще не может! Думаю, и его сверстники, не возвращая взят

ое, также не могут умом прокорректировать свое поведение. Сколько и я страдал, когда мои дети отдавали кому-либо книги из моей библиотеки и эти книги исчезали бесследно. Иногда какой-нибудь том из собрания сочинений. Прямо, что называется, хоть плачь. И в их ветреные головы невозможно было втолковать что-либо разумное. И я слышал тот же ответ: «Жалко тебе, что ли?»

Да, жалко, потому что книга эта нужна мне для работы, потому что я с таким трудом в свое время ее приобрел. Так же мои дети обращались и с другими вещами. Взаимопонимания не было, да и не могло быть. Другое дело, если бы мои дети были жадны. От этого я страдал бы в стократ больше! А я знаю таких юных жадюг, которые потом вырастают, как правило, в коммерсантов, деляг и карьеристов.

Есть такое слово — **беспопечность**, вот оно-то наиболее точно и подходит к нашему данному случаю.

Доброта тут и не ночевала. Здесь еще надо добавить и то соображение, что большинство из нас, людей старшего поколения, вышло из бедности, такие драгоценные вещи, как фотоаппарат или кинокамера, нам не снились и в сладких снах. И теперь, имея возможность купить своему ребенку какую-либо дорогую вещь, мы ее как бы покупаем и самим себе. И нам жалко с ней расставаться, как со своей вещью, хотя она и куплена для сына или дочери.

Все, что можно пожелать родителям (как я желаю и самому себе), — терпеливо переносить странности роста человека, осторожно и твердо направлять этот рост к тому идеалу, который вам видится.

Кстати, добавлю: ни в одной стране мира, где я побывал, я не видел, чтобы родители так баловали своих детей, как у нас. Так же, как не видел, чтобы родители так часто их одергивали и строжили.

Мы часто, особенно в газетных статьях, любим употреблять высокие слова — доброта, любовь, нравственность, принципиальность — в каком-то чисто отвлеченном виде, будто мы живем не в вечно противоречивой реальности, которая и называется жизнью, а в неких одномерных райских куцах.

Увы, у реальности свои твердые законы, и пренебрегать ими вряд ли разумно.

Повторяю: небрежность и беспечность подростка в данном случае не есть доброта. Доброта чаще всего связана с жертвой, хотя бы минимальной.

ЧИТАТЕЛЬ

И ГАЗЕТА